

Б ОА

МАЙ 1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Бурятский институт общественных наук

Диссертационный совет Д.003.28.01
по филологическим наукам

На правах рукописи

Лувсандоржийн БОЛД

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА С
САЯНСКИМИ ТУРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Специальность 10.02.16 - монгольские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ 1996

Диссертация выполнена в секторе языкознания Института языка
и литературы Академии наук Монголии

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, чл.-корр. АН, профессор В.И. Рассадин

доктор филологических наук, профессор Д.М. Насилов

доктор филологических наук, профессор У.-Ж.Ш. Дондуков

Ведущая организация - кафедра монгольского языкознания Государственного национального университета Монголии

Защита состоится "29" марта 1996 г. в 13 часов
на заседании диссертационного совета Д.003.26.01 в Бурятском
институте общественных наук СО РАН (670047, Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра (г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)

Автореферат разослан "28" февраля 1996 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Г. А. Дирхеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Целые поколения отечественных и зарубежных ученых посвятили свой неустанный труд проблемам взаимоотношений монгольских и тюркских языков, которым отводится главенствующее место в алтайской группе языков. Как результат этих исследовательских работ вышли в свет различного рода научные труды, монографические и коллективные, сборники и статьи, затрагивающие в той или иной степени общие и частные проблемы по взаимоотношениям этих языков. Но в то же время проблемы исторических взаимосвязей монгольских и тюркских языков изучены еще недостаточно, и у ученых до сих пор нет единства взглядов по самой главной проблеме алтаистики - в результате чего в монгольских языках развивалась столь впечатляющая общность на всех языковых уровнях: за счет ли генетического родства или за счет контактов? Имеющиеся точки зрения порой настолько различны, что взаимоисключают друг друга. Одни считают, что монгольские и тюркские языки уходят своими корнями к одному правянку. Такого мнения были, например, Б.Я.Владимирцов, Г.И.Рамstedт, Н.И.Поппе. В.Л.Котвич же пришел к выводу, что общность эта типологическая, развившаяся в результате длительных контактов обоих языков. Труды этих ученых общеизвестны, поэтому нет необходимости здесь подробно называть их. Вопросы алтаистики, как известно, долгое время почти не разрабатывались. Только в последнее время внимание ученых снова стала привлекать проблема родства алтайских языков. Так, например, в 1969 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР была проведена Всесоюзная конференция на тему "Проблема общности алтайских языков"^{1/}, которая отметила важность развития этой отрасли сравнительно-исторического языкознания. При этом было признано весьма перспективным изучение не только глобальных проблем алтаистики, но и исследование частных вопросов, особенно вопросов взаимодействия конкретных алтайских языков между собой в определенных районах их длительного устойчивого маргинального контактирования. На конференции было отмечено, что только после тщательного изучения взаимодействия в диахроническом аспекте конкретных монгольских и тюркских языков и

1. См.: Проблема общности алтайских языков. Тезисы докладов. Л.: Наука, 1969.

их групп, а также других конкретных алтайских языков между собой. Будет возможным подойти к решению более общих проблем родства этих языков.

Регион Саяно-Алтайского нагорья и Западной Монголии как раз и является тем конкретным районом, в котором с незапамятных времен и по настоящее время происходили и происходят ныне разнообразные контакты и взаимодействие монгольских и тюркских народов и племен. Из них наиболее длительные и непрерывные, продолжающиеся и сейчас взаимоотношения наблюдаются между монгольскими племенами и племенами саянских тюрков. Как известно, на территории Монголии до сих пор живут туиноязычные племена мончаков, цэнгальских тувинцев, родственных им по происхождению и языку племена цаганов и уйгуро-урянкайцев. К саянским тюркам относятся также тувинцы и тофалары. Языки этих народов и племен объединяются в одну подгруппу - подгруппу саянских тюркских языков. Данные языки являются наследниками языка древних тюрков, предположительно древних уйгуров. Район Западной Монголии и Саян как раз и интересен для алтаистики тем, что именно здесь происходили издавна постоянные контакты монгольских и тюркских языков, причем это взаимодействие прослеживается как непрерывное еще с древнетюркской эпохи. Поэтому исследование исторических связей монгольского языка с саянскими тюркскими языками имеет первостепенное значение и является весьма важным с алтаистической точки зрения. Результаты этих исследований могут пролить свет на механизмы и процессы выработки общих монголо-тюркских элементов, происходивших в древнее время и продолжающихся сейчас. Данный регион до сих пор еще не изучался в плане контактов и взаимодействия представленных языков.

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является определение и изучение исторических связей монгольского языка (как разговорного, так и литературной формы) с саянскими тюркскими языками, выявление на этой основе внешних связей монгольского литературного языка. Для достижения поставленной цели в работе решается ряд конкретных задач:

- 1) Учитывая, что в раннюю эпоху монголо-тюркских контактов на данной территории был представлен древнетюркский язык, нашедший отражение в многочисленных памятниках древнетюркского письма, найденных в этом районе, ставится задача изучения лексики и грамматики языка конкретных наиболее значительных памятников Ор-

конской тюркской рунической письменности сравнительно с данными современных монгольских языков и с позиций их исторической фонетики и грамматики заново рассмотреть взаимосвязи древнемонгольского и древнетюркского языков.

2) Выявить влияние фонетики монгольского языка на формирование фонетической системы саянских тюркских языков.

3) Определить дистрибуцию и форму словообразовательных суффиксов, употребительных в саянских тюркских языках и являющихся монгольскими по происхождению, установить их роль в обогащении лексики этих языков.

4) Пересмотреть проблему частей речи в свете выявления региональной монголо-тюркской языковой общности, опираясь на нынешние достижения как монголоведения, так и тюркологии. Вместе с тем тщательно проследить по каждой из частей речи влияние монгольского языка на формирование системы морфологического строя данной конкретной группы языков.

Методы исследования. При выполнении работы был использован в основном сравнительно-исторический метод. Были привлечены также сравнительно-сопоставительный, типологический, а также структурный метод там, где это было необходимо, например, для определения дистрибуции и структуры словообразовательных суффиксов.

Материалом для исследования в настоящей диссертационной работе послужили введенные в научный оборот сведения по современным монгольским языкам: монгольскому, бурятскому, калмыцкому, по старописьменному монгольскому языку, а также по тувинскому и тофаларскому языкам. Кроме того, были использованы материалы по языку тувинцев-морчаков и цэнгэльских тувинцев, по языку цаатавов и уйгуро-урианхайскому тюркским языкам Монголии и тофаларскому России, собранные лично диссертантом. Привлекались и имеющиеся словари всех этих языков. Привлекалась для исследования также научная литература по историческому и сравнительному изучению древнетюркского и древнемонгольского языков, опубликованная в России, Китае, Монголии и других странах. Использованы в диссертации и расшифровки древнетюркских надписей, сделанные автором диссертации, причем среди них и надписи, найденные и расшифрованные самим диссертантом.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в монголоведении и в алтаистике проведен сопоставительный исторический анализ взаимоотношений монгольского языка с

конкретной группой тюркских языков, причем исторически эти контакты прослеживаются непрерывно с древнетюркского времени. Впервые произведено уточнение на конкретном материале связей древнемонгольского языка с древнетюркским, а также выявлены исторические связи монгольского письменного языка и современных монгольских языков с современными тюркскими языками саянской группы, выявлено влияние монгольского языка на формирование фонетической и грамматической систем этих языков.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что в ней получено решение крупной теоретической проблемы на области алтаистики — проблема ареального контактирования монгольского языка с конкретной группой тюркских языков. Выработанная в процессе исследования методика и полученные в результате его теоретические и методологические положения могут послужить той базой, на основе которой возможны аналогичные исследования других ареалов контактирования монгольских языков как с тюркскими, так и с иными языками алтайской семьи, например, тунгусо-маньчжурскими. Решение подобных проблем будет способствовать разрешению общеалтаистической проблемы. С другой стороны, в данной работе историческая взаимосвязь монгольских языков с тюркскими рассматривается на примере конкретных языков — монгольского литературного и саянских тюркских языков, поэтому выработанные в ней положения и идеи могут быть использованы в разработке практических курсов лекций по истории развития родного языка, причем как монгольского, так и тюркских, например, тувинского, а также исторической фонетике и морфологии монгольского и тюркского языков, в составлении этимологических и сравнительных словарей монгольского языка. Опыт диссертации поможет во внедрении и применении к монгольскому языку в гораздо больших масштабах сравнительного и сравнительно-исторического методов, что имеет немаловажное значение для монгольской лингвистики.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертации были доложены и обсуждены на заседаниях 4-го, 5-го и 6-го Международных Конгрессов монголоведов, на Международном симпозиуме "Кочевники Центральной Азии и Великий шелковый путь" (Улаан-Батор, 1992), а также на других республиканских и институтских научных конференциях. Работа в целом обсуждалась на заседании сектора языковедения Института языка и литературы АН Монголии и лаборатории тюркологии и монголистики Института языковедения Рос-

сийской АН (г. Москва). По теме диссертации опубликовано 27 работ, в том числе 2 монографии и 1 словарь. Кроме того, в двух монографиях соавтор, 1 монография и 1 статья сданы в печать.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, трех приложений, листа сокращений и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются ее цель и задачи, указываются методы исследования, дается характеристика материалов, на которых построено исследование, определяется научная когизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, раскрывается ее апробация.

Кроме того, во введении в двух специальных разделах заново рассмотрены взаимоотношения древнемонгольского и древнетюркского языков на основе применения сравнительно-исторического метода при сопоставлении этих языков.

В первом разделе "Отношения монгольского языка с древнетюркским в области лексики" на примере двух древнетюркских надписей: Суджинской и Орхонской, найденных на территории Монголии: первая в Булганском аймаке, вторая в Цаган-нуре воле оз. Хубсугул, сопоставляется лексика древнетюркского языка с древнемонгольской. Выявилось, что уже в древнетюркскую эпоху в языке древних тюрков, что хорошо прослеживается на языке конкретных наскальных надписей, имеется много слов общего тюрко-монгольского характера. Так, в Суджинской надписи они составляют 35% всего ее лексического состава. Это слова типа тюрк. эр - монг. эрс // эр "мужчина, муж", тюрк. катыг - монг. катагу // хатву "крепкий, твердый", тюрк. аты - монг. ачи // ач и т.п. В то же время значительное количество слов этого памятника, имеющих монгольские параллели, этимологизируется их тюркских языков и может считаться тюркизмами в монгольском языке, как например, монг. кюлог "именистый, покрытый славою" восходит к тюрк. кю "слава", кюлок "имеющий славу", монг. кюрг "портрет" - к тюрк. көр "видеть". В диссертации устанавливается и на фактическом материале доказывалось монгольское происхождение ряда общих слов. Так, монгольскими оказываются в древнетюркском языке слова тархан (мн.ч. тархат) - титул правителя // монг. дархан "свободный от податей", "кузнец", инанчу (из Орхонской надписи) "правдивый, верный, ис-

тивный" соответствует монг. унэнчи "правдивый, верный", но восходит к монгольскому корню *yna- в словах *ынаг/инаг "верный друг, любимый", инару "туда", инаду "здесь" и т.п. Семантический переход возможен. Таким образом, уже в древнетюркское время было взаимопроникновение монголо-тюркских лексических элементов.

Во втором разделе "Отношения монгольского языка с древнетюркским в области морфологии" сравнительному изучению подвергается морфология языка Онгинского памятника рунического письма, который считается одним из древнейших памятников древнетюркского языка на территории Монголии. В диссертации сравниваются основные грамматические категории имени и глагола, представленные в языке этого памятника, с таковыми древнего монгольского языка. Историческая грамматика монгольского языка имела много общих грамматических элементов среди форм множественного числа, среди падежных форм, а также среди глагольных форм, главным образом причастий. В качестве критериев определения общности и взаимозависимости была использована методика, предложенная известным монголистом Б.Я.Владимирцовым (1911, с.156). Результаты этих исследований показывают, что наряду с общими элементами в тюркском и монгольском языках, *позволяющими рассмотреть генезис этих языков, наличествует немалое количество лексических и грамматических заимствований как из тюркского в монгольский язык, так и наоборот, из монгольского в тюркский.* Это послужило подтверждением того, как правильно отметил акад. Л.Лигети что "... племена, говорящие на этих языках (тюркский и монгольский - Л.Б.) с древних времен на протяжении долгого периода находились близко и довольно часто смешивались друг с другом. Это несомненно оставило свои следы как в лексическом составе, так и в грамматической структуре некоторых алтайских языков" (1965, с.325). В диссертации обосновывается точка зрения о том, что подобный подход к проблеме взаимовлияния монгольских и тюркских языков позволяет точнее определить, как исторически относятся саяно-тюркские языки к монгольскому.

В первой главе "Влияние монгольского языка на формирование фонетического строя саянских тюркских языков" подчеркивается возможность отрицания исторического влияния монгольского языка на формирование фонетической системы саяно-тюркских языков. Опираясь на работы общей и частной фонетики, на материалы монгольских и тюркских языков, диссертант подробно рассматривает эту

проблему в двух основных разделах.

В первом разделе, названном "Влияние гласных монгольского языка на систему гласных саянских тюркских языков" данная проблема рассматривается в трех аспектах.

1) Функция фарингализованного гласного как самостоятельной фонемы является одной из черт саяно-тюркских языков, отличающих их

от других тюркских языков. На основании исследовательских данных по сравнительному изучению определенной части лексики саяно-тюркских языков с материалами не только монгольских и тюркских языков, но и обидейского, выявляется дистрибуционное соответствие комплекса Г¹ перед сильным согласным с фарингализованным гласным уйгуро-уряихайского языка. Например, слово монг. вду: "табул", бур. вду:н, калм. вдун, даг. вдо, зафиксировано в ССМ. как вду'у, в МАА. как вда'у:, в ойр. как вдоу//вду:н и имеет форму вбду в эвенкийском языке, вбду в орокском и вбдун в негидальском языках. Это позволяет предположить, что формой слова вдагун в монгольском письме, надо считать, было вгдагун /*вбда-да. Эта древняя форма состоит из двух морфем вбда/*вгда + гун, из которых морфема -гун имеет генетическую связь с суффиксом -ган/*-ген, встречающимся в таких скотоводческих названиях, как имаган "коза", тэмэген "верблюд". А формы вбда/*вгда в словах вбдагун/*вгдагун очень похожи как по фонетическому облику, так и по семантическому значению с такими формами, как вгта в монгольском письме, ат/*от в тюркских языках и вэт "конь" в уйгуро-уряихайском и саяно-тюркских языках. Более того, как считает диссертант, эти слова имеют генетическую связь, а комплекс ГС перед согласным "т" соответствует по своей дистрибуции фарингализованному гласному.

В материалах монгольского и саяно-тюркских языков подобных примеров встречается немало. Это хорошо видно из следующих примеров:

Монг. письм. язык	уйгуро-уряих.	значение
камту	гаьты	вместе
унта-	уьты-	спать
тояши-	тоьш	дятел
дебис-	двьш-	настилать
кабсарг-а	гаьсыргы	ненастье.

Вышеизложенная гипотеза представляет собой только один из случаев, когда фарингализованный гласный может происходить за счет выпадения согласного. Фонемы любого языка развиваются не только путем расщепления и фонологизации аллофонов, — также может случиться так, что два или более звука могут соединиться и образовать один звук, одну фонему. Так, например, установлено, что смычно-фрикативный "ч" современного монгольского литературного языка имеет двойное происхождение: как из "ч" древнемонгольского языка, так и косвенно из "т" в позиции перед гласным "я". Соответствующие исследования подтверждают, что долгие гласные современного уйгуро-уряньхайского языка происходили тремя путями: из комплекса ГСГ по общей закономерности формирования долгих гласных в монгольском и тюркском языках (например, др.-тюрк. агыз > уйг.-ур. а:с "рот", сеңк > се:г "кость"), и из комплекса ГС (например, др.-тюрк. ерген > уйг.-ур. е:рен "учись"), а также из элемента Г.

2) Долгие гласные. При синхроническом рассмотрении гласных фонем как современных саяно-тюркских языков, так и монгольского и других тюркских языков прослеживается, что они своей оппозицией долготы и краткости могут быть полностью морфеморазличительными. В то же время происхождение долгих гласных в них очень похоже, то есть долготы происходили как следствие выпадения таких интервокальных согласных, как г(а), г(е), б, й, реально существовавших в комплексе ГСГ своего древнего языка. Ср., например:

тюрк. огул	>	о:л "сын"
агыр	>	а:р "тяжелый"
күдәгү	>	күдә: "аять"
монг. агула	>	у:л "гора"
эгүлэ	>	в:л "облако"
угийаху	>	уга:х "умьть"

В этой части диссертации отводится немалое место выяснению спорной по сей день проблеме о путях происхождения долгих гласных в монгольском и тюркском языках. Сравнительное исследование слов с долгими гласными в современном уйгуро-уряньхайском языке с письменными памятниками древнетюркского языка позволяет предположить, что гласный, предшествующий согласному в комплексе ГСГ, имел вторичное ударение или же этот гласный происходил перво-

начально долго. Ср., например,

<u>др.-тюрк.</u>	<u>уйг.-ур.</u>	<u>значение.</u>
бирегү	бира:	один
агыс	а:с	рот
йаңы	няа	новый
сөңүк	сө:г	кость.

Поэтому вполне возможно, что в урянхайском языке долгие гласные могли возникнуть и из комплекса РС. Этой закономерности подвергаются также и монгольские заимствования, что можно ясно проследить из сравнения слов монгольского письменного языка булаг "источник" и хэрэг "дело" по монгольским языкам.

монг. письм.	булаг	керег
монг.	булаг	хэрэг
бур.	булаг	хэрэг
калм.	булг	керг
дунс.	була	-
уйг.-ур.	була:	гэрэ:

Однако, происхождение долгих гласных в монгольском языке отличается от вышеупомянутого процесса, представленного в тюркских языках. Ср. например:

сүүд < sv:д (Зирн.) < sv'vд //сө'vд (МАН) < се'v:д (ССМ) < сөгүд (монг.письм.);
аургаа < жирга:и (МАН) < жирко'ан (КП) < жиргуан (монг.письм.);
буууу < чило'ун (ССМ) < чила'ун (КП) < чилагун (монг.письм.).

Этот революционный процесс фонетического развития монгольского языка объясняли в первое время в монголистике тем, что в древнемонгольском и среднемонгольском языках не существовали долгие гласные, о чем свидетельствует отсутствие в монгольском и квадратном письменах знака для долготы гласных, которые сформировались в результате того, что такие ударногласные согласные древнемонгольского языка, как г(а), г(е) начали выпадать уже в среднемонгольском языке, и соседствовавшие с ними краткие гласные последовательно слились в одно целое и образовали в современном монгольском языке долгие гласные.

Однако, в последнее время, опираясь на факт долгого произношения, происхождение долгих гласных в современных монгольских языках и наречиях объясняют наличием в древнемонгольском языке первичных долгих гласных (Ш.Хаттори, 1962 с.451-462) или же существованием суперсегментной фонемы (Лувсанвандан, 1967 с.21). Этот предположенный процесс можно сформулировать так: агу: > аву: > аһу: > а'у: > у: (например, агу:ла > аву:ла > аһу:ла > а'у:ла > у:ла "гора").

В силу того, что происхождение долгих гласных в монгольских и тюркских языках, в особенности в саянских тюркских языках, имеют такое принципиальное отличие, мы сочли обоснованным рассматривать в отдельности долгие гласные, происходившие по аналогии образования долгих гласных в монгольских языках.

В своей работе детально определяется, какие именно фонетические комплексы монгольского письменного языка агу: эгу: и т.п. проникали в эти языки на различных этапах эволюции монгольского языка, сохраняя при этом особенности данного конкретного периода, что и определило их довольно специфические структуры. В дальнейшем вопрос о том, когда монгольские слова с долгими гласными проникли в эти языки, рассматривается в прямой связи с тем, в какой период долгие гласные сформировались в самом монгольском языке. Поэтому слова, зафиксировавшие ранние стадии развития монгольского языка, как, например, киданьские, рассматриваются в сравнении с другими языковыми материалами. Так, например:

Монг. и.	шибагун	табун	жагун	эгүлэн
	"птица"	"пять"	"сто"	"облака"
Кид.	шава:	тау	жау	-
ССМ.	шибагун//шибабун	-	жаун	эүлэн
КП	шаба'ун	табун	жа'ун	э'үлэн
МАН	шибагун	табун	жаун	эүлэн

Сравнение этих примеров неопровержимо показывает, что тут первичными формами являются формы монгольского письма, в которых устойчиво зафиксированы интервокальные согласные. Это также указывает на необходимость тщательного установления времени приема монголами этого письма. Диссертант считает, что заимствованные в саяно-тюркские языки слова с долгими гласными проникли до выделения интервокального "г". Подтверждением тому служит появление звука h средневекового монгольского языка, а также то, что мон-

гольские заимствования в саяно-тюркских языках сохраняют облик средневекового и иногда даже более раннего периода развития монгольского языка.

3) Перехом "И". Из научных работ и материалов по современным монгольским языкам и диалектам можно проследить, что более сильное влияние друг на друга в ходе своего эволюционного развития оказывали прежде всего гласные. В частности, в монгольском письме следовавшие за "И" широкие негубные и узкие лабиализованные гласные в последовательности и...э, и...е, и...у, и...ү в составе одного слова оказали сильное воздействие на гласный "и" первого слога, что нашло свое отражение в его регрессивной лабиализации и расширении. Этот процесс был назван в монголистике переходом гласного "И". Отражение данного процесса в саяно-тюркских языках рассматривается на материалах уйгуро-урянской языки, где последовательности монгольского письменного языка и...у, и...о, и...е, и...ү преобразовались в новые последовательности у...у, о...о, ү...ү, е...е, а в регрессивной лабиализации гласного "И" первого слога ощущалось влияние губного согласного.

<u>Монг. письм.</u>	<u>уйг.-ур.</u>	<u>монг. лит.</u>	<u>значение</u>
шмарг-а	шумарга	шамрага	снежная буря
чибаганца	луваганца	чавганц	старуха
шимадаху	шумла:р	шамлах	засучивать
жим-а	жума	жам	закон.

На конкретных примерах рассмотрено предположение, что появление лабиализации в уйгуро-урянской языки может быть отнесено к более позднему периоду, чем формирование долгих гласных. Например, др.-тюрк. кырагу "иной", каз. кырау, к.-камп. кырав, кир. кыро; аз., тюрк. кырав, как. хыро, уйг.-ур. горо; др.-тюрк. бырагу "годовалый теленок", алт. быза, тув. быза; пы-за, уйг.-ур. боро; и т.п.

Сравнительные исследования показывают также, что последовательности монгольского письменного языка и...э, и...е, хорошо сохранились в уйгуро-урянской языки. Это связано с тем, что гармония гласных по огублению, которая была только в начальной стадии в среднемонгольском языке, не могла получить в этом языке достаточного развития. Это может служить одним из критериев в определении исторических связей двух данных языков.

Во втором разделе "Влияние согласных монгольского языка на систему согласных саянских тюркских языков" основное внимание уделяется тщательному выявлению начальных, медиальных и конечных форм согласных. При этом за основу взяты консонантизм языка старомонгольской письменности. Из приведенных сведений ясно прослеживается сложный путь эволюции согласных фонем, такой же сложный, как и у гласных, в словах, проникших в уйгуро-урянкайский язык из монгольского старописьменного языка. Это особенно четко прослеживается в отношении аффрикат, заднеязычных и фрикативных согласных. Эволюция согласных во многом зависела от их дистрибуции. Так, например, в монгольском письме согласный "х" перед гласным "и" в сильном слове преобразился в заднеязычный г(а), а в слабом слове - в г(э), также интервокальный "х" в середине слова после окорного согласного преобразился в h (один из аллофонов фонемы х).

Инициальный "ц" монгольского письменного языка произносится уйгуро-урянкайцами всегда как "с" и "ш", тогда как в середине слова произносится как "ц". Это привело к тому, что система переднеязычных согласных уйгуро-урянкайского языка претерпела сильное изменение.

Общее развитие фонетической системы гласных и согласных в монгольских языках производит впечатление, что письменный язык оказал на них довольно сильное влияние. Это впечатление усиливается еще и тем, что в определенной мере сохранились инициальный "ц" древнемонгольского языка и интервокальные г(а), г(э), к, х.

Вторая глава диссертации "Суффиксы монгольского языка, образующие новые слова в саянских-тюркских языках" распадается на следующие две части.

В первой части, называемой "Монгольско-тюркские словообразовательные суффиксы", высказывается уверенность в том, что выявление генетических и исторических отношений словообразующих суффиксов в языках этой группы приносит свои плоды в корректное решение спорных ключевых проблем, стоящих перед монгольскими и тюркскими языковедческими. Немалое внимание уделено обобщению работ по сравнительному изучению словообразующих суффиксов монгольского и тюркского языков. Касаясь диссертационной тематики, отмечается, что в работах по изучению влияния монгольского языка особенно на тувинский и тофаларский языки недостает детального рассмотрения некоторых аспектов, в частности словообразователь-

ной функции монгольских суффиксов в этих языках (Татаринцев 1977, с.27-38, Рассадин 1980, с.61). Поэтому диссертант считает, что образование новых слов с помощью монгольских суффиксов от слов исконно тюркского происхождения имеет важное значение в определении роли этих суффиксов в обогащении лексики данных языков и тем самым в выявлении исторической связи этих языков с монгольским языком. Для подобного рода исследований следует остановиться на следующих двух моментах:

Отдельные суффиксы, наличествующие как в тюркском, так и в монгольском языках относятся к общности этих языков, что рассматривается на примере отыменного глагольобразующего суффикса -дз. Более того, некоторые суффиксы, функционирующие в современном монгольском языке, произошли от отдельных слов, все еще употребляющихся в тюркских языках. Например, в лексике современного монгольского языка суффикс -раг/-рег образует новое слово от активной прилагательной основы. Например: ергерэг "широта", умард ергерэг "северная широта", өмнөд ергерэг "южная широта", ерген "широкий" - антоним от нарийн "узкий"; уртраг "долгота", урт "длинный" - антоним от богино "краткий".

Очевидно, что корень бэс- в слове современного монгольского языка бэсрэг как по своему фонетическому облику, так и по семантическому значению является одного происхождения с корнями бяз-//биц-//бичи-//бич- в словах монг. бязхан "маленький", калм. бичкүд "дети", бичкүдин сад "детский сад", бичкижн "маленький, маловато", бичжн "маленький, маловато". Акад. Б.Н.Владимирцов считает, что слово кеберег "крупный, непрочный" в монгольском письменном языке распадается на две морфемы: кебе-рег (Владимирцов 1929, с.154). Корень көп-/күп- в словах современного казахского языка көпшик "1. подушка, 2. мягкость", көпир-ү "пениться", күпшек "мягкий" связывается с корнем көб в слове кебе-риг. Что касается упоминемого в сравнительных работах по тюркским и монгольским языкам слова олтриг "архипелаг", можно предположить, что оно не является ни тюркским заимствованием в монгольском языке, ни словобразованием от корня улт в монгольских словах ултар "разваренность", улт цохь- "разбивать вдребезги" путем присоединения стнаречного глагольобразующего суффикса -р; а скорее всего образованием от уйгуро-урянкайского орту "середина" при помощи суффикса -риг. Слово бэлтраг "волчонок" исторически распадается на две морфемы: бэлт-раг, первая из которых своими кор-

нами уходит к зафиксированному в "Современном Сказании монголов" (СМ) тюркскому заимствованию в монгольском языке бертэ//берту "волк". В тюркских языках этот суффикс имеет ряд алломорфов. Но в тувинском и хакасском языках есть слово арак "чуть-чуть", которое генетически может быть отнесено к этому суффиксу. Это привлекло наше внимание. Слово арак в современном тувинском языке употребляется, как и в других тюркских языках, после прилагательного: кыанд арах "красноватый". Это дает возможность рассматривать древние формы этих суффиксов, употребляющихся в монгольском и некоторых тюркских языках, в связи со словом арак, арак в тувинском и хакасском языках.

Во второй части, называемой "Словообразовательные суффиксы монгольского происхождения, историко-сравнительному изучению подвергнутся суффиксы, проникшие из монгольского языка в саяно-тюркские языки и употребляющиеся в этих языках сравнительно продуктивно, образуя новые слова. Детально рассматриваются их дистрибуция, продуктивность и значение. Исследование в этой части представляем суффиксом -мал// -мэл// -мол// -мел. В работах по монгольскому письменному языку этот суффикс отмечен как имяобразующий со значением предмета, образованного в результате действия. Например, жирү- "рисовать" - жирүмал "нарисованный", эргүгэ- "образовать" - эргүгэмал "образованный".

Акад. Ш.Вендан считает этот суффикс монгольского письменного языка, образующий качественные имена от глагольной основы, возникшим из сочетания отыменного суффикса "м" и отглагольного суффикса "л" (1962 с.122). В теоретических работах по морфологической структуре монгольского слова считается, что сложные суффиксы в некоторых случаях могут стать неразложимыми (Лувсандэндэв, 1964). Так, создается впечатление, что слово хуруувчид образовано от хуруувч присоединением суффикса -л, а не от хуруу с помощью неразложимого суффикса -вчид. Однако, если взять слово ихэвчид, то оно не может быть образованным как ихэвч + -л, поскольку в монгольском языке нет слова ихэвч. Поэтому очевидно, что оно образовалось как их+вчид. Так что следует считать суффикс -вчид сложным (тем же). Действительно, структура слова хэрчмэл позволяет предположить, что оно образовано от имени хэрчим суффиксом -л. Однако если взять слова тарим, шармал, то они не могут быть разложены на тарим + -л, а возможна только структура таримал, шармал, то они не могут быть разложены на шарим +

-д, тари + -д, тарим + -д, а возможна только структура тари-мал, шар-мал. Этот суффикс зафиксирован в ССМ в словах ширамал (274) и давтамал "кованный" (276). Данный суффикс употребляется в современном монгольском литературном языке в виде -мал, -мэл, в бурятском - мад, в калмыцком - -мд. Ср., например, бур. һунга- "избрать" - һунгамал "избранный", жэргэхэ "чиркать" - жэргэмэл "чиркающий", "жаворонок", калм. урһ- "расти" - урһмд "растение", малт- "копать" - малтмд "копанный". Однако, из тюркских языков этот суффикс довольно продуктивно употребляется в современном тувинском языке в форме -мал, -мэл, -чмал, -умал, -чмел как образующий имена от глагольных основ. Например, чыры- "светать" - чырымал - "светлый", чору"идти" - чорумал "турист", казы- "копать" - казымал "копанный" и т.д. Как считают исследователи, этот суффикс пришел в тувинский язык из монгольского языка (Исхаков, 1961 с.168, Рассадин, 1980 с.61). В последнее время его функция довольно широка. Этот суффикс выражает следующие значения:

- имя, выражающее характер действий, например: монг. будмал "крашенный" < буд- "красить", наамал "приклеенный" < наа- "клеить", суджмал "плетеный" < судж- "плести", хатгамал "вышитый" < хатга- "вышивать", яхмел "вязанный" < ях- "вязать"; бур. дарамал "сохраненный" < дара- "сохранять", малтамал "копанный" < малта- "копать", тув. бижимел "писальный" < бижи- "писать", казымал "копанный" < казы- "копать" и т.д.

- имя, выражающее результат действия, например: хатазмал "сушеный" < катаа- "сушить", ургамал "растение" < урга- "расти", бур. һунгамал "избранный" < һунга- "избрать", табимал "поставленный" < таби- "ставить", тув. кылымал "искусственный" < кыл- "делать".

Он также образует абстрактные имена. В этом значении употребляется в современном тувинском языке. Например, чырымал "светило" < чыры "светить".

Тувинское слово аргымал "вязанный, плетеный" (аргы- "вязать, плести") употребляется как в субстантивной, так и в атрибутивной функциях. Это позволяет предположить, что слово с этим суффиксом приобрело такую функцию под влиянием монгольского языка.

Третья глава "Связь морфологического строя монгольского языка с морфологическим строем сяньских тюркских языков" всецело посвящена определению связи данных языков на морфологическом уровне и заслуженно является той частью работы, которой в дис-

сертации уделено наибольшее внимание. С целью достоверного определения грамматических отношений монгольского и тюркских языков, автор в первую очередь придает большое значение правильному определению своей позиции по основным вопросам методологического характера. Одним из таких вопросов явился выбор принципа лексической классификации данных языков. Существует несколько противостоящих друг другу мнений на счет классификации по частям речи, из которых диссертант взял за основу классификацию, выдвинутую выдающимся ученым монголоведом В.М.Наделяевым (1988, с.107). Согласно данному принципу вся лексика монгольского и саяно-тюркских языков подразделяется на слова с вещественным значением и вспомогательные слова. Первые, в свою очередь, делятся на назывные слова и указательные слова с заместительной функцией, известные как местоимения (төдөөлсөн үг).

Далее назывные слова подразделяются на несколько лексико-грамматических групп. Разбив существительные на собственные и простые, автор дал определение их грамматическим и семантическим особенностям, а также сопоставил такие грамматические категории этих языков, как категории рода, числа и лица с соответствующими им категориями монгольского языка. Одним из самых интересных с научной точки зрения вопросов, является вопрос генезиса морфем саяно-тюркских языков, выражающих категорию лица. В результате сопоставительного изучения показателей третьего лица в монгольском и саяно-тюркских языках с местоимениями древнетюркского и монгольского языков в работе сделан вывод, что увязывание возникновения морфем - показателей третьего лица в тюркских языках с древнемонгольским указательным местоимением ын/ин в плане системности является (не убедительным). В диссертации выдвинута гипотеза об их связи с *ы-/а-, которые играли роль местоимений 3-го лица в древнем монгольском языке.

Предшествующие исследователи провели довольно детальное и тщательное изучение категории падежа (Рамstedт 1957, с.31-42). Однако стигматической особенностью исследования данной диссертации является то, что в ней на материалах древнего тюркского и средневекового монгольского языков проведено сопоставительное изучение соотношений падежной категории саяно-тюркских языков с категорией падежа монгольского языка, а также дана характеристика распространенных падежных значений современных монголо-тюркских языков. Рассмотрим это на примере детально-местного паде-

жа.

В древних и современных тюркских языках постоянно разграничивали падеж места и дательный падеж, однако в монгольских языках значения данных падежей объединены в одном дательном-местном падеже. Однако в "Сокровенном сказании" в изобилии встречаются места, где после одного и того же слова чередуются разные окончания дательного-местного падежа: гэр-та, гэр-тур "в доме", мэр-гэд-та, мэргэд-тур "стрелкам", нойад-та, нойад-тур "князьям; у князей". В предложении Тамуужин Хасар хойар гэр-тур ирэжү Үжин эхэд өгүүдрүүн (§ 76) "Тамуужин Хасар хоёр гэрт ирж Үжин эхэд өгүүдрүүн" - "Тамуужин и Хасар, придя домой, сказали матушке Учжин" словоформа гэр-тур "домой" имеет значение направления действия или движения, а словоформа эхэд-да "матушке" содержит обращение к кому-либо. Иначе говоря, если окончание -тур выражает обстоятельство места, отвечающее на вопрос кому? и где?, то -да выражает отношение дополнения, отвечающее на вопрос кому? Для большей убедительности данного положения приведем еще несколько примеров: Хабул қахан-у дожо'ан кө'үд-үн думдаду Хатула-да үгүүдрүн чи очижү кэлэ (§ 53) "Хабул хааны долоон хөвгүүдийн дундахь Хатулад өгүүдрүүн чи очиж хэл" - "Сказал Хатуле, среднему из семерых сыновей Хабул-ханя: ты пойд и саж"; Тохто'а-ийн эсгэл хали'ун-и Жамука анда-да уну'улба (§ 117) "Тохтоагийн эсгэл калиуныг Жамуха андад унуулав". Здесь окончания дательного-местного падежа носят значения направленности действия. В предложении ...Алан коа Добу мэргэн-тур ирэжү хойар кө'үн төра'улби (§ 10) "Алан гуа Добу мэргэнд ирж хо р хөвүүн төрүүвээ" - "Алан-гоа, придя к Добу-мергенчу, родила ему двух сыновей"; ...Гэгэ'ан ишү ка'али-тур чинү шингэжү бидэ'э (§ 21) "... Түвний гэрэд миний хэвээд шингэх бэлгөө" - "...Его свет проникал в мое чрево" окончания -тур/ -тур несут в себе значение места совершения действия и в то же время направления. В результате детального рассмотрения значений и позиционной дистрибуции падежных показателей -тур/ -тур в диссертации сделан вывод, что это сложные морфемы, которые в старомонгольском языке были самостоятельными падежными формами со значениями места и направленности действия.

Далее в диссертации сопоставляются значения дательного-местного падежа, представленные в монгольских языках, с аналогичными показателями -да/ -да, -та/ -та, имеющими в сайнских тюркских языках. В результате проведенного сопоставления выявились их об-

щие значения, которые суть:

- Место действия, ср., например, монг. Энэ ууланд ан элбэг - "В этих горах богатая охота", Бид Улаанбаатар амьдардаг - "Мы живем в Улан-Баторе", бур. Хүбүүмнэй хүргүүлидэ омоо гү? - "Наш сын пошел в школу?", калм. Усанд уншн күвчд шаржа биинь дөнг болдмн - "Упавшему в воду польнь в помощь", тув. Дагда койлар сьтгап чор - "В горах пасутся овцы", Эжиде Солун номнар хей-двр - "У моего друга много интересных книг", тоф. Оларынг ол тайгада көһүд чорудар - "Они кочуют по той тайге", Онг ташта одуру - "Он сидит на камне".

- Время действия, ср., например, монг. Энэ сарын таванд манай хичээл эхэлнэ - "Пятого числа этого месяца начнутся наши занятия", бур. Эсэгэн 1832 ондо хүбүүгээ ... хүргүүлидэ оруулба - "Его отец в 1832 году определил своего сына в школу", калм. Өдрт, сөөд унтд уга зовв - "И днем и ночью мучился без сна", тув. Чеди шакта өөреникчилернинг хуралы болдур - "В семь часов состоится собрание учеников", тоф. Ол һиредэ егда кум та йоқ болган - "В то же время дома никого не было".

Большой интерес в определении связей монгольского и тюркского языков играет направительный падеж. В древних памятниках орхоно-кочевского письма встречается слово куды, которое в предложении выполняет функцию послелога направления. Ол суб куды бардыага (I.27), "тар ус руу очив бид" - "Подшли мы к той воде"; уксон Селенге куды барды (M.16) "Оставшиеся отошли к Селенге"; Селенге куды йорыпан (M.37) "Селенгэ рүү очсон" - "Пошли к Селенге" и т.д. В этом отношении одинаковое значение с кочо уругу монгольского письменного языка имеет уру в ССМ: Онон мерен уру у жорчику талдиба (24) "Онон мерен рүү горьх одов" - "Направились в сторону реки Онон".

Из материалов тувинского языка видно, что данное слово является словообразовательной морфемой и образует новые слова. Куду-ку, означающее "низкорослый, малорослый", является самостоятельным словом как куду в тофаларском и тувинском языках. "Куду ... имеет, как и слово куды древнетюркского языка, значение места действия" (Рассадина 1978, с.259). Ср. тоф. Тоты куду чхорая "мэсөөр явсан" - "пошел по льду", чер куду "газараар" - "по земле" и т.п. Данное слово так же, как и -гада /-гедэ тюркоязычного населения Монголии, выражает значение направительного падежа. Мэс с башинггада герир "уулын орой руу харак" - смотреть на вер-

шину горы"; ме:н чуртам гада жороб дур мен "би нутаг руугаа явж байна" - "я еду на родину" и т.п. Использование древнетюркского коды как падежного окончания также можно встретить и в тоджинском наречии тувинского языка. То, что в тюркском языке и его наречиях тюркоязычного населения Монголии, а также в тоджинском наречии тувинского языка имеются такие окончания направительного падежа, является свидетельством их общности. Из работы видно, что на возникновение таких специфических особенностей большое влияние оказал переход ~~хөдөг~~ уругу монгольского письменного языка в такие падежные окончания как -руу, -рүү, -дуу, -лүү.

Соискатель в своей монгографии подразделил имена прилагательные в саяно-тюркских языках на настоящие и ложные, а также в результате сопоставительного изучения их грамматических признаков с исторической точки зрения, дал детальный анализ степени прилагательных и способов их выражения. В тюрко-монгольских языках для выражения абстрактной степени прилагательных употребляются усилительные слова, которые ставятся непосредственно перед данными прилагательными. Тув. дыка эки "маш сайн" - "очень хорошо", хөлчөк удуг "маш их" - (досл. хөлгүи их Л.Б.) "безмерно много", тоф. дем удуг, энг удуг "маш их" - "очень много", дем биче, энг биче "маш бага" - "очень мало", энг эки "хамгийн их", энг баһай "хамгийн муухай" - "самый плохой", уйг.-ур. таьс кара "тас хар" - "черный-пречерный", тун баһай "тун муу" - "очень плохо", удуг гүштиг их хучтэй" - "очень сильный". В монг. тун "очень": тон бишхан "тун бяцхан" - "очень маленький", тон дуртэй "тун дуртэй" - "очень нравится", в калм. тун их "тун их" - "очень много". В саяно-тюркских языках немало случаев употребления монгольских, с точки зрения происхождения, слов при изъяснении абстрактной степени прилагательных. В данной диссертации сопоставлены исторические и современные формы данных слов. В монг. письм. ~~хөдөг~~ улам, в бур. улам, в калм. удм, в тув. улам-удэм эки "улам сайн" - "еще лучше", улам дүргэн "улам түргэн" - "еще быстрее"; в монг. письм. ~~хөдөг~~ арай "эчүүхэн тедий ялимгүй бага" - "немного, в малой степени, немного", в бур. арай, в калм. ара, в монг. арай, ара:н, ара:хан "арай, арайхан", в тув. арай: арай удуг "арай том" - "немного больше", арај кек "арай хөх" - "немного синее". В некоторых случаях встречается калькированное использование монгольских слов. Например, в монг. письм. "хөгүй, их", в монг. хөлгүи баян "их баян", хөлгүи их юмтай, асар их эд

когшилтой" - "чрезмерно богатый", в тув. хөлчөк удуг "аягуй том, их том" - "очень большой" (ТПС с.490), в монг.письм.Ажун, их "аягуй сайхан "их сайхан"-очень хорошо; аягуй их цас оров "тун их цас оров" - "выпало очень много снега", в тув. аажок: шөлдө улус аажок хөй "талбайд хумуус тун их (байна)" - "на площади много людей". В первом слове прилагательных, обозначающих форму, цвет встречаются случаи употребления согласных букв б, п, ср., например: в монг. ув улаан, хав хар, дув дугариг, бур. уб улаан "ув улаан" - "красный-прекрасный", хvb хvхе "хөв хөх" - "синий-пре-синий", калм. ов олн "ов олон" - "много-премного", кеп көркн "көп көөрөн" - "хорошенький-прехорошенький", даг. чим чигаан "цав цагаан" - "белый-пребелый", хув худан "ув улаан"; тув. кып кы-анл "ув улаан", сап сарыг "шав шар"; тоф. куп куу "цав цагаан", кап кара "хав хар" - "черный- пречерный", уйг.-ур. кеп гек "хөв хох", боп боро "бов бор" - "корич-прекоричневый";

Также встречаются случаи повтора прилагательных с изменением при этом их падежной формы, например: монг. холын хол, холоос хол; бур. холын холо "холын хол" - "далеко-далеко", холооо холо "холоос хол", калм. муугийн муу "муугийн муу"; тув. экиден эки "сайнаас сайн" - "лучший из лучших", экининг экиви "сайны сайн"; тоф. квштүгдэн квштүг "хвчтэйгээс хвчтэй" - "сильный из сильных", удугдан удуг "томооо том" - "большой из больших", биченинг бичеси "багын бага" - "маленький из маленьких".

В рассматриваемых нами языках при передаче прилагательными абстрактной степени используются неадекватные способы оформления. К примеру, синтетический, аналитический и аналитическо-синтетический. На конкретных примерах рассмотрены эволюционные пути развития слов, выражавших грамматические отношения посредством аналитического способа и в ходе своего исторического развития ставших послелогоами, берущими за основу синтетический способ выражения. Затем автор обратил свое внимание на то, каким образом данные морфемы соотносятся с монгольским языком.

Формы -сыг/сиг, -сим/-сим, -синггы/-сингги тофаларского языка связаны с формой -сыг древнетюркского языка, например: Ордаң-сыг"хvv шиг, хvххдәрхvv"< ордан "хvv, залуу", кулсыг "боолорхуу" - "рабоподобный"< куд "боол" - "раб"; коркынчиг "аймшигтайвтар" - "ужасноватный"< коркынч "аймшиг" - "спасность" (ДТС, с.662).

По мнению диссертанта шиг монгольского языка, как и -сыг/-сиг тофаларского языка, выражает абстрактную степень при-

лагательного и по своему происхождению тесно связан с ними. Тэр хөрөнгийг хаана нуусан бэ гэж тоолдолгын дарга чангахан шиг асуув (Л.Т.) Багахан шиг төлбөртэй дээрээ больё (Ш.Г.), ... урьд тэгж газэгүй тул сууж барихад ч баахан дасааргүй, эвгүйшиг санагдаж авай (Б.Р.).

В современном бурятском языке шиг превратился уже в гармонирующий суффикс -шаг, -шог, -шиг, -шэг, присоединяющийся к основам имен прилагательных и указывающий на неполноту качества, например: бур. боршог - монг. боровгор, бордуу "сероватый", бур. гашууншаг - монг. гашуувтар "горьковатый". По употреблению он напоминает суффикс -сыг/-сиг тувинского языка, ср. например, тув. дуссуг - монг. давстайшиг, давсархаг "соленоватый", дашсыг - монг. чулуу шиг "подобный камню", чемаиг - монг. өөг "питательный, сытный" (Исхаков 1961, с.191-197). Тофаларский суффикс -сыг/-сиг, как и тувинский и бурятский суффиксы, а также монгольский последок шиг, одинаково указывает как на подобие чего-либо, если присоединяются к существительным, так и на ослабление степени качества, если употребляются с прилагательным. Предполагается тюркское происхождение монгольского шиг.

В диссертации обращается внимание на то, что уйгуро-урякские суффиксы -дуу/-дүү и -птыр/птир, имеющие те же значения ослабления качества, явно заимствованы из монгольского языка, Монгольский суффикс -дуу/-дүү проник и в язык казахов Монголии, ср. каз. жасыл "зеленый" - жасылдау - монг. ногоондуу "зеленоватый", каз. күрен "коричневый" - күрендәу - монг. күрэндүү "коричневатый" (Баилхан 1988, с.29).

В работе, кроме того, подробно рассматривается общая тюрко-монгольская модель выражения сравнительной степени качества через сравнение признака с каким-либо предметом. При этом существительное ставится в форму исходного падежа, а форма прилагательного, совпадающая здесь с его основой, остается без изменения. Данная модель выражения сравнительной степени прилагательного очень продуктивна в тюрко-монгольских языках. Ср., например: монг. цаснаас цагаан "белее снега", яснаас хатуу "крепче кости", бур. һүнһээ сагаан - монг. сүүнээс цагаан "белее молока", каз. бодд темрес хату - монг. бодд темрес хатуу "сталь тверже железа", тув. зыттан бедик - монг. морингоос ендер "выше коня", тув. ыттан чавыс - монг. нохойноос нэхэн "ниже собаки", тув. неш өгдөн бедик - монг. мод гэрээс ендер "дерево выше юр-

ты", тоф. аът ивиден улуг - монг. морь цаанаас том "конь крупнее оленя" и т.п.

В монгольском и саяно-тюркских языках по этой модели одинаково происходит образование формы превосходной степени прилагательных. Ср., например: монг. багаас бага - тув., тоф. бичеден биче "самый маленький"; монг. томоос том - тув., тоф. улугдан улуг "самый крупный"; монг. сайнаас сайн - тув., тоф. экиден эки "самый лучший, наилучший".

На конкретных примерах было изучено также сходство монгольского языка и тюркских в употреблении уподобительных конструкций, в которых в монгольских языках используются послелоги шиг, мэт, эдид "подобно, подобный", а в саянских тюркских - послелог дег, который был известен в этой же роли еще в древнетюркском языке. Например: др.-тюрк. йагилма тегире учук тег ерти (Тон.8) "Бидний дайсан эргэн тойронд махчин шувуу шиг бөлгөө" - "Враги наши были кругом, словно хищные птицы"; Тенгри тег тенгри де болмын (КТ 1) "Тэнгэр шиг тэнгэр болгоогдсон" - "был на небе словно божество"; тув. канг дег быжыг "ган шиг бөх" - "прочен как сталь", тоф. мен дег уаун "над шиг өндөр" - "высок как я".

В литературном монгольском языке и разговорной речи весьма употребительны уподобительные конструкции без использования послелогов. Синтаксическая связь здесь сравнимых слов простое примыкание. Это же явление широко представлено и в саянских тюркских языках. Например: тоф. кан кыыл - монг. час улаан (букв. цусан улаан) - "Кроваво-красный, ярко красный", тоф. сүт ак - монг. цав цагаан (букв. сүүн цагаан) - "молочно-белый, пре-белый", тоф. кар ак - монг. цасан цагаан - "снежно-белый".

И м я ч и с л и т е л ь н о е монгольского языка рассмотрено в диссертации как в семантическом, так и в грамматическом аспектах в традициях имеющихся традиционных трудов в сопоставлении о числительными древнего тюркского и саянских тюркских языков. Основные количественные числительные, употребляемые в саянских тюркских языках, по своему происхождению (кроме дэрт "дерева" - "четыре", бунг "мянга" - "тысяча") не связаны с монгольскими числительными. По способу образования составных числительных саяно-тюркские языки принципиально отличаются от древнетюркского языка, но совпадают с монгольским языком. Ср., например, системы основных количественных числительных в тюркских и монгольских языках:

<u>др.-тюрк.</u>	<u>уйг.-ур.</u>	<u>тув.</u>	<u>тоф.</u>	<u>монг.письм.</u>	<u>значение</u>
отуа	ужон	ужен	учжен	гучин	тридцать
кырк	дээртон	дэртен	дэртэн	дэчин	сорок
елиг	бежон	бежен	бечжен	табин	пятьдесят
алтмыш	аьлтон	алтан	аьлтон	жиран	шестьдесят

Примеры на образование составных числительных:

<u>др.-тюрк.</u>	<u>уйг.-ур.</u>	<u>монг.письм.</u>	<u>значение</u>
беш йетмис	аьлтон беш	жиран табу	шестьдесят пять
отуа артуку бир	ужон бир	гучин нигэ	тридцать один
кырк артуку			
йети	дээртон жеди	дэчин долуга	сорок семь.

В саянских и иных тюркских языках отдельные суффиксы, образующие порядковые числительные, оказываются связанными с монгольским языком. Так, например, в древнем и средневековом монгольском языке суффикс -чи служил для образования порядковых числительных, о чем могут свидетельствовать примеры из "Сокровенного сказания монголов": ... Жичи гучи үгүлөжү илэ'ег йадажу е'есун бе'ен гедун отчу үгүлөрүн (67) - "Хоёрдугаар, гуравдугаар (удаа) илгээж хэлүүлж ядаад (эцэст нь) өөрөө гэтэн очиж өгүүлдүүн" - "...Второй, третий раз досылал скааать, но в конце концов сам отправился и скааал". Зафиксирован суффикс -чи, -чин и в словаре "Мукаддимат ал-Адаб": табунчи - "тавдугаар" - "пятый", доланчи - "долгдугаар" - "седьмой" (Попле 1938, с.68). В древнетюркском языке ему соответствует суффикс -нчы/-нты: Каным ыт йыл онунчы ай уча барды (В Ха 10) - "Царь-отец скончался в октябре месяце года собаки". Тувинский показатель порядкового числительного дугаар и уйгуро-урякхайский -да:р/-та:р восходят к монгольскому аналогичному показателю дугаар. Кроме того, в литературе обосновано монгольское происхождение другого тувинского показателя данного ряда числительного - суффикса -кы/-кн, а также этого же элемента в составе сложного тофаларского суффикса -шкы/-шки.

В диссертации подробно рассмотрено предположение, что тувинские суффиксы собирательных числительных -алаа/-алээ, -алаан/-элээн, тофаларские -аьлты/-аьлтин связаны своим происхождением с древним монгольским суффиксом собирательных числительных -гудан/-гүдэн, зафиксированным в старописменном монгольском

языке (Вобровников 1949, с. 43; Поппе 1955, с. 190), которое в современном монгольском языке имеет форму -уудлаа/-үүлээ, например: арвуудлаа "вдесатерм, все десять", тавуудлаа "впятером, все пять, пятерю" и т.п.

Уйгуро-уранхайский суффикс собирательных числительных -а:н/-э:н связан своим происхождением с древнетюркским суффиксом -агу/-эгу, -агун/-эгун.

При образовании разделительных числительных широко употребляются как в монгольских, так и в тюркских языках, в том числе саянских, различные повторы основ числительных, а также сочетания этих основ со специальными служебными словами, при этом полученная аналитическая форма передает значение приближенности количества, которое и в монгольском языке обозначается формой разделительного числительного. Примеры на повторы основ числительных: монг. гурав дөрөв "около четырех", долоо найм "около восьми", бур. гурба дүрбэ "около четырех", калм. дөрв тав "около пяти", др.-тюрк. еки үч киси "около трех человек", тув. ийи үш "около трех", тоф. беш адыты "около шести". Примеры на использование служебных слов: монг. арав гаруй "свыше десяти", монг. хорь орчим "около двадцати", др.-тюрк. йүз артук "свыше ста". В саянских тюркских языках для этой цели используется служебное слово хире, придающее приближенность счета, напр. тув., тоф. дөрт хире "около четырех". Это слово имеет монгольское происхождение, ср. аналогичное старомонгольское слово хире. В тувинском и тофаларском языках для указания на приближенность счета десятков применяется служебное словечко шаа, требующее постановки числительного в форму родительного падежа, напр.: онинг шаа "около десяти". Возможно, оно связано своим генезисом с древнетюркской формой приближительного числительного, образуемого суффиксом -ча/-че, напр.: др.-тюрк. йүзче "около ста".

Большой интерес вызывает употребление в уйгуро-уранхайском языке особой формы на -га:/-гэ:, присоединяемой к основам числительных для образования приближенности счета, чего нет ни в одном тюркском языке, да и для монгольских языков подобное окончание не фиксировалось. Ср., напр.: уйг.-ур. Вай дагда дөртонга: сарлык билчип чжор - "Баян ууланд дөчөөд сарлаг балчик баян" - "Около 40 яков пасется на горе Баян"; Сумнинг байарга: чүсгә: хыга:лан үре:дер урилдады "Сумын баярт азуугад хыгаалан үрәә уралдав" - "На сомонном паше в скачке участвовало около ста

четырехгодовалых скакунов".

В монгольских языках для придания значения разделительности числительным используется также орудный падеж с повторенной основой числительного, ср., напр., бур. гурба гурбаар "по три", таба табаар "по пять", в диалектах монгольского языка тоже представлен этот способ, возможно, один из древнейших. Из всех тюркских языков саянской группы в уйгуро-урянкайском представлена модель образования разделительного числительного с использованием послелога бирде, образующего аналитическую конструкцию со значением монгольского орудного падежа. Здесь диссертант усматривает семантическое влияние монгольского языка, хотя в древнетюркском языке зафиксированы случаи употребления аналогичной конструкции, ср., напр., др.-тюрк. Чача сенгун секиа тумен бирде сунусдим - "Я сразился с восемью туменами Чача сенгуна".

Из способов, образующих дробные числительные, для монгольского языка наиболее характерен тот, в котором анаментадь оформляется родительным падежом, например: монг. аравны дөрөв "четыре десятых". Аналогичный способ широко используется в саянских тюркских языках. Ср., например: тув. бештинг ийизи - монг. тавны хоёр - "две пятых", уйг.-ур. бештег бире:ан - монг. тавны нэг - "одна пятая". Этот способ бытует и в других тюркских языках, но только в тех, которые были связаны с монгольскими языками (Тенишев 1988, с.199). В данном разделе подробно рассмотрены модели образования дробных числительных в монгольских и тюркских языках в сопоставлении.

Классификация наречий на производные и непроизводные только на первый взгляд может показаться чистой формальностью, хотя в действительности это является важным фактором для изучения наречий с позиций их образования, а также важно с общей точки зрения для исследования происхождения слов и развития языка. При выяснении исторических связей современного монгольского языка с саянскими тюркскими языками были порою рассмотрены производные и непроизводные наречия. В диссертации, кстати, они названы ложными и настоящими наречиями. Основное же внимание в работе было направлено на выявление и анализ наречий, заимствованных в эти языки из монгольского.

Из результатов исследования материала данного раздела вытекает интересное строение слов, обозначающих сутки. Например

монгольскому енөөдөр "сегодня" в дагурском языке соответствует сочетание енэ удер, слову уржигдар в калмыцком языке соответствует урж едр. Это свидетельствует, что на письменности монгольского языка слова енөөдөр, уржигдар являются древней полной формой этих слов. Другими словами, монг. енөөдөр образовано от старомонгольского енудур, которое является стяжением слов энэ эдур "энэ эдөр" - "этот день". Если верна гипотеза диссертанта, то бур. мунөөдэр, желт.-уйг. ендөр, монгол. недур, дунс. енуду, басан. нуде - произошли от словосочетания энэ+едер "этот день", уржигдар в монгольской письменной речи, монг., бур. уржигдар < урида+эдур, что является сложением двух слов урида и эдур, ср. также слова желт.-уйг. урдадур, монгол. удандур, дунс. урудаудур басан, ндэндор - все они одного происхождения. Такая закономерность образования слов, обозначающих дату, сутки, нередко встречается в саянских и других тюркских языках. Это можно видеть из нижеприведенного сравнения.

	<u>уржигдар</u>	<u>ечигдер</u>	<u>енөөдөр</u>	<u>маргааш</u>	<u>нөгөөдөр</u>
	"позавчера"	"вчера"	"сегодня"	"завтра"	"послезавтра"
Тув.	бурунгугун	дуун	богун	даарта	сонггуагун
Каз.	аддынгуни	кеше	бугин	ертен	бурсигуни
	аддынгни кунн			келеси кун	
Як.		бегэһе	бугун	сарсын	ейүүн
К-каз.	бурнагы кун	кече	бугин	ертегнен	
				кунги	
Узб.	бурноги кун	кече	бугун	ертанги	берин кун
Тюрк.	гечен гун	дун	бугун	йэрын	эбур кун.

В этих примерах слова гун, гуни, кунн..., представленные в составе слов бурунгугун "позавчера", богун "сегодня" сонггугун "послезавтра" есть кун "день; солнце", поэтому бурунгугун < бурунгу "прежний" + кун "день"; богун < бо "этот" + гун "день"; сонггугун < сонгу "задний следующий" + гун "день", которые бытуют в тувинском языке, свидетельствуют, что этот язык с давних времен был связан с монгольским языком.

Если внимательно и тщательно рассмотреть грамматические формы г л а г о л а в монгольском и тюркском языках, то есть полное основание считать, что имеется немало фактов, поясняющих историческую связь этих языков. Также явление видно особенно хорошо в сфере исследования причастий и видов глаголов. Поэтому в диссертации этим глагольным формам было уделено наибольшее

внимание. Особенно подробно было рассмотрено образование в сайяских тюркских языках новых форм причастий под влиянием монгольского языка. Их не было в древнетюркском языке, нет и в современных тюркских языках, не испытавших монгольского влияния. Кроме того, уделено внимание и тем формам тюркских причастий, которые, будучи тюркскими по происхождению, имеют тем не менее аналогии в монгольском языке, составляя, возможно, общий алтаистический фонд. Эти тюркские суффиксы исторически связаны с соответствующими монгольскими суффиксами.

Причастная форма на -азчы/-ачы, -ээчи/-ечи современного тувинского языка имеет монгольское происхождение и является адаптацией монгольского постоянного причастия на -аач/-ээч, -ооч/-ооч, ср., напр. тув. бижээчи "постоянно пишущий" - монг. бичээч "постоянно пишущий", "писарь". Ср. также полностью субстантивированные монгольские причастия типа судлаач "исследователь: ученый", зурзаач "художник". Однако, данный суффикс в тувинском языке почти не продуктивен.

Причастный суффикс -кчы/-кчи, -ныкчы/кчи, -укчу/-укчу является весьма продуктивным, образуя огромное количество форм в современном тувинском языке, например: ажылдакчы "слушающий", номчукчу "читающий", "чтец", "читатель", дынгнакчы "слушающий", "слушатель", өөреникчи "учащийся", "ученик". Этот суффикс тоже пришел в тувинский язык из монгольского языка и является адаптированным монгольским суффиксом -гч однократного причастия, ср., напр., монг. чагнагч "слушающий", ажиллагч "работающий", сурагч "учащийся", "ученик" и т.п. В тофаларском языке этому суффиксу соответствует суффикс -гшы/-гши, например: тоф. дынгнангшы "слушающий", манагшы "ожидающий", көрүгшү "видящий", который является развитием древнетюркского суффикса -гчы/-гчи, -ыгчы/игчи, например, др.-тюрк. йазгычы "писарь".

Исследователи (Тенишев 1988, с.470) отмечают, что данный суффикс сложный и состоит из элементов -г + -чы, в качестве причастия в тюркских языках стал использоваться относительно поздно. В монгольском языке статус этого причастия тоже стал изменяться в последнее время, о чем говорит все большее употребление слов, образованных при помощи данного суффикса, не в качестве причастий, а как существительные, которые могут уже управлять падежами, в частности родительным. Например: сүргүүдийнх сүрагч "ученик школы", эрдэм шинжилгээний ажлын удирдагч "руководитель

научно-исследовательской работы". Признаки действия в таком словоупотреблении уже утрачены. Мы имеем в этих случаях полную субстантивацию, словообразовательный процесс появления новых слов. Данный суффикс является тюрко-монгольским еще с древнейших времен.

Далее в диссертации подробно рассмотрены связи и отношения монгольского сложного средневекового причастия на -ай удв'үй со значением "еще не", представленном широко в языке "Сокровенного сказания монголов" и имеющем соответствие с тувинским причастием на -галак/-гелек, как гадаг/гедег, -хадар/-ке-дег, шор. -гадыг/-гедиг, алт. -гадый/-гедий, тоже означаемыми "еще не". Ср., например, ССМ ... гv'vн-не бер өктә'ей удв'үй окин - "хүнд өгөгдээдүй окин" - "еще не выданная замуж девушка" (?), ... ала'ай удв'үй-е - "... алаагүй байгад ..." - "... пока не убили ..." (149). Ученый Сэцэнцогт (1988, с.2611) считает, что этот средневековый монгольский суффикс -ай удв'үй является сложным и, подобно суффиксу -гадүй/-гэдүй старомонгольского письменного языка, имеющего то же значение, состоит из причастия прошедшего продолженного времени на -га/-ге, снабженного отрицанием эдүй "не", например: йабугадүй "еще не ушедший", ирэгэдүй "еще не пришедший". По мнению тувинского ученого Д.А. Монгуша (1950, с.90) тувинское причастие на -галаг/-гэлэк тоже сложное и состоит из компонентов -га/-ге + элек, которое означает "еще не", "не скоро будет", ср. тув. Соок дүжери элек "хүйтэн болох өдий байна" - "холод не скоро будет". В диссертации делается вывод, что тюркская форма на -гадаг/-гедег возникла в саяно-алтайских языках под непосредственным влиянием монгольского языка, а форма на -галак/-гелек - ее дословный перевод.

При сопоставлении сложных аффиксов саяно-тюркских языков, образующих категории глагольного вида, с аффиксами монгольского языка, образующими ту же категорию, выявились аффиксы как типологически общие, так и этимологически соотносимые.

В диссертации подробно рассмотрены в сопоставительном плане монгольский сложный суффикс интенсивно-завершенного вида -чих, которому в старомонгольском соответствует -чиху/чиху, а также сложный по происхождению видовой аффикс саянских тюркских языков -ывит/ивит. По предположению монголоведов (Санжеев 1984, с.66) монгольский аффикс представляет собой фонетическое сращение аналитической формы, составленной из соединительного деепричастия

-жу/-жv и вспомогательного глагола орхи- "бросить, оставить", т.е. -жу орхи- развилось в -чиху. В тюркских языках аффикс -ывыт/-ивит тоже представляет собой фонетическое сращение аналитической формы, составленной из деепричастия на -п и вспомогательного глагола ыт- "отправлять, посылать". Здесь форма образовалась по той же типологической модели -ып ыт-, давшей -ывыт. Примеры: монг. ундчих - тув. номчувут "прочитай", монг. тавьчих - тув. салывыт "поставь, положи", тоф. дуглавт - монг. хаачих "закрой". В диссертации делается вывод о том, что грамматический способ выражения завершенного вида типологически одинаков как в монгольском, так и в саянских тюркских языках.

Из других видовых показателей в диссертации подробно рассмотрен в сопоставительном аспекте также показатель интенсивной однократности действия -схий, состоящий по своему происхождению из двух элементов: отглагольное имя существительное на -с + вспомогательный глагол хий- "действовать", т.е. модель -с хий- слилась в один аффикс -схий. В старописьменном монгольском языке этот показатель зафиксирован в неслившейся форме, т.е. модель -с ки-, например: совр. монг. гяласхий- "сверкнуть" - монг. письм. гилас ки-. О таком пути образования аффикса -схий писал Сэценцогт (1988, с. 2737). Эта модель видового аффикса бытует и в других монгольских языках. Так, в бурятском языке ей соответствует аналитическая форма -д гэ-, -с гэ-, например: ялад гэ-, ялас гэ- "сверкнуть". В калмыцком языке тоже есть аналогичная модель -с ги-, например: ухс ги- - монг. ухасхий- "броситься". Как можно видеть, в этих языках вместо монгольского глагола хий- "делать" используется глагол гэ-, ги- "говорить", "издавать звук".

В саянских тюркских языках представлена аналогичная модель, тоже состоящая из отглагольного имени существительного на -с, иногда на -ш, и вспомогательного глагола кын- "делаться, происходить" (< кылын- < кыл- "делать"). Иначе говоря, модель та же, что и в монгольском языке: -с (-ш) кын-. Например: тув., тоф. карас (караш) кын- "промелькнуть", кылас кын- "сверкнуть". В данных языках эта модель очень продуктивна. У исследователей саянских языков есть мнение, что она заимствована из монгольского языка.

Из тюркологической литературы известно, что еще в якутском языке представлена аналогичная модель для выражения однократной мгновенности действия. ср. напр., якут. маһас кын- - монг. малис хий- "внезапно показать свое широкое лицо" С.Кадужинский (с.114)

считал эту якутскую форму заимствованной из монгольского языка. В диссертации сделан вывод, что тюркская форма не является прямым монгольским заимствованием, а представляет собой кальку с монгольского показателя, в котором монгольский глагол хий- заменен тюркским кы-.

В работе подробно рассмотрен также сложный по происхождению аффикс -нгна/-нгнэ, -ынгна/-ингнэ, широко представленный в саянских тюркских языках, в которых он образует ритмичный вид, напр. тув. карангна-, тоф. карангна- "мелькать (о черном силуэте)", тув., тоф. кылангна- "посверкивать", уйг.-ур. салангна- "выглядеть пышно - о раскидистом дереве или косматой шерсти". В монгольском языке этому суффиксу соответствует показатель ритмичного вида -гана/-ганэ, например: гилганэ- "посверкивать". В тюркских языках этот показатель развился под монгольским влиянием, по монгольской модели -нг+на-.

Заместительные слова традиционно называемые м е с т о и м е н и я м и, занимают в лексической системе сравниваемых языков особое место, будучи соотносены со всеми знаменательными частями речи, со всеми словами, имеющими вещественное значение. Однако, в отличие от слов с вещественным значением так называемые местоимения не называют предметы, их качества, обстоятельства и действия, но только указывают на них. Поскольку в речи они замещают эти слова, то по речевой функции их называют еще заместительными словами, что хорошо передается монгольским термином телеэний үг (заместительное слово). В своей работе диссертант придерживается именно этого термина, считая применяемый некоторыми монголоведами термин телеэний нэр (заместительное имя) не вполне корректным, поскольку местоимения монгольского языка указывают не только на предметы и качества, но и на количество, обстоятельство и на действие. По своему составу монгольский язык и саянские тюркские языки, в отличие от других тюркских языков, имеют одинаковые системы местоимений. По своей заместительной функции в сравниваемых языках одинаково представлены местоименные существительные (напр., монг. хэн?, тюрк. күм, ким? "кто?", монг. бу?, тюрк. чү? "что?", монг. эвэ, тюрк. бу "этот"), местоименные прилагательные (напр.; монг. ямар?, тюрк. кындыг? "какой?", монг. ийм, иймэрхүү, тюрк. мындыг? "такой"), местоименные числительные (напр., монг. хэд?, тюрк. кам? "сколько", монг. едий, тедий, тюрк. ынча, мынча "столько"), местоименные обстоятельства

(напр., монг. хав, хаана?, тюрк. кайда? "где?", монг. энд, тюрк. мында "адесь"), местоименные глаголы (напр., монг. яах?, тюрк. канчаар? "как поступить?, что делать?", монг. ингэх, тэгэх, тюрк. ынчаар, мынчаар "так поступить, так делать"). Такая специфика состава местоимений сближает монгольский язык и саянокие тюркские языки, а подобное типологическое сходство могло выработаться только за длительный период маргинального контактирования и взаимовлияния.

Кроме того, местоимения в сравниваемых языках в семантико-функциональном отношении делятся на несколько разрядов: личные, возвратные, указательные, в составе указательных выделяются вопросительные. В диссертации подробно рассмотрены в сопоставительном плане все эти разряды.

Личные местоимения являются одним из самых употребительных и частотных местоимений как в монгольском, так и в тюркском языках. Нижеследующее сопоставление поможет наглядно представить себе их состав.

	<u>Единственное число</u>		<u>Множественное число</u>	
	<u>монг.</u>	<u>тюрк.</u>	<u>монг.</u>	<u>тюрк.</u>
1-е лицо	би	мен/бен	ба/бид	биз
2-е лицо	чи	сен	та	сиз
3-е лицо	*и	ол	*а	олар

Сравнительное исследование состава личных местоимений монгольского и тюркского языков показало, что образованы они в этих языках равными способами: монгольский язык использовал фонетический способ словообразования - противопоставление слов с гласными и - а, тюркские же языки - словообразовательные суффиксы - множественного числа -лар, а также древнейший суффикс двойственного числа *а. Если в древнем монгольском языке были представлены местоимения 3-го лица обеих чисел: *и и *а, которые сохранились, например, в современном дагурском языке в форме и:н - а:н, то в тюркских языках вместо личных местоимений для 3-го лица использовались указательные местоимения ол "тот" - олар "те", что сохранилось во всех современных тюркских языках. Современный монгольский язык в этом отношении сближился с тюркскими языками, поскольку утратил личные местоимения 3-го лица, от которого остался лишь частица личного притяжения 3-го лица нь, заменив его указательными местоимениями тэр "тот" для ед.ч. и тэд "те" для

мн.ч.

Большой интерес в сопоставительном плане представляет возвратное местоимение. В современном монгольском языке употребляются две основы для его выражения: өөр для единственного числа и өөрсөд, иногда для множественного. Эти основы получают все необходимые по словоупотреблению падежные окончания, например: өөртөө "себе", өөртнй "самому ему", өөрийнгөө "сам себя, себя", өөрийн "свой", өөрсдий нь "их самих", өөрсдөөс нь "у них самих" и т.д. В качестве словоформы со значением "сам" используется основа өөр с безличным притяжением өөрөө, во множественном числе "сами" - өөрсдөө. В старописьменном монгольском языке зафиксированы основы эбэр, эбэрсун "сам", эбэр-ийэн "сам", эбэрсун-ийэн "сам", эбэровд "сами", эбэрсүд-ийэн "сами". Кроме того, в качестве возвратного местоимения в монгольском языке используется слово бие, означающее в первую очередь "тело, организм", и имеющее также значения "здоровье", "рост", "личность". Именно последнее значение позволило этому слову получить значение "сам, лично". Может быть, это произошло через словосочетание миний бие, сначала означавшее буквально "моя личность", что служило для выражения понятия "я сам". Это словосочетание в современном монгольском языке носит книжный оттенок. Оно широко употреблялось в стилистических целях для замены личного местоимения би "я" в старописьменном монгольском языке. В современном же языке слово бие обычно используется либо в орудном падеже, либо в форме безличного притяжания, т.е. биеэрээ, биеэ "сам", например: чи биеэрээ ирээрэй "ты сам приезжай".

В древнетюркском языке в значении "сам" зафиксировано слово ээ, "сами" - ээдэр, например: мен ээвүм "я сам", сен ээвүг "ты сам" и т.д. Используется оно в составе изафетной конструкции и для выражения понятия "свой, собственный", например: ээ тили "свой язык", ээ башы "своя голова" и т.п. Основными значениями слова ээ в древнем тюркском языке было "сущность", а также "жизнь". Кроме того, в древнем тюркском языке было в употреблении и отдельное слово көндү/кентү, означавшее как "сам", так и "свой, собственный". Например: Ол көндү айды "Он сам оказал", көндү кылды "собственные поступки". В ходу было и парное использование обоих слов, например; ээ көндү, көндү ээ "сам". Ср., напр., др.-тюрк. көндү ээвүм "я сам", көндү ээвүмүз "мы сами". Слово ээ продолжает бытовать во многих современных тюркских язы-

как в значении "сам", "свой", например: каз. эзим, кирг. эзми, тат. эзем "я сам", эзинг, кирг. эзнг, тат. узэнг "ты сам", тур. эа "собственный" и т.д. Слово кэнду сохранилось лишь в якутском языке в форме кни со значением "он, она", т.е. как личное местоимение 3-го л., на что указывал еще С.Е.Малов. В саянских же тюркских языках в значении лично-возвратного местоимения "сам" употребляется слово бот/бод и тоже в форме личной принадлежности, например: тув., тоф., уйг.-ур. бодум/бодым "я сам", бодынг/бодынг "ты сам" и т.д. Это слово широко используется, например, в тувинском литературном языке для образования различных терминов: бот шүгүмчүдөл "самокритика", бот намдар "автобиография", бот өртөк "себестоимость", бот өңүч "личная собственность" и т.п. Основное значение слова бот еще с древнетюркского времени было "тело". В саянских тюркских языках, а также в других сибирских, это слово тоже используется для передачи понятия возвратного местоимения. Ср., напр., какас., шор. позым, алт. бойм "я сам". В якутском языке используется в качестве возвратного местоимения основа бэйэ, которая в речи бытует в форме личной принадлежности, напр., бэйэм "я сам", бэйэнг "ты сам", бэйэтэ "ты сам", бэйэтэ "он сам", бэйэбит "мы сами" и т.д. Если предположить, что якутское слово бэйэ "тело; сущность" является заимствованием ранней монгольской словоформы бэйэ "тело" (совр. монг. бие, бур. бэе "тело"), на что указывал С.Т.Калужинский (см.: Калужинский 1961, с.60), то выявляется ареал саяно-алтайских тюркских языков вместе с якутским и монгольским, в которых в качестве возвратного местоимения "сам" используется слово со значением "тело". Вероятно, это результат древнего контактирования монгольских и тюркских языков в данном ареале.

Не меньший интерес в сопоставительном аспекте представляет и указательное местоимение дээ, тээ, дөө, төө, дээге со значением "тот, вон тот", бытующее в саянских тюркских языках, ср., напр., тув. дөө даг "вон т. гора", тоф. тээдэ "вон там", уйг.-ур. Бат-нынг эйт дээгедэ дур "Конь Бата вон там стоит". В диссертации делается предположение о заимствовании в саянские тюркские языки из древнемонгольского формы *тэгү//*тэгүи, которая представлена в старомонгольском языке как супплетивная основа указательного местоимения тэвэ "тот", ср., напр., письм. монг. тэгүн-дур "тому", тэгүн-и "того" и т.п.

В современном монгольском языке в качестве указательных мес-

толений используются также слова мен "тот же, такой же; именно он" и уг "первоначальный, основной". Об указательной функции этих слов свидетельствует их употребление в художественной литературе. Ср., напр., Бид тэнд хурч очив. Мөн газар багш хэдүйнээ иржээ (Л.Ч.) "Мы туда дошли. Учитель был уже давно там"; Удлын их сургуулиас тогтоол гаргав. Уг тогтоолд дурдагдаа ... "Государственный университет принял резолюцию. В той резолюции сказано ..." В современном тувинском языке находим аналогичное явление. Имеющиеся в нем слова мун и ук, означающие "настоящий, указанный, данный, тот самый", являются заимствованиями из монгольского языка и тоже употребляются в роли указательных местоимений, например: тув. мун айттырт - монг. тухайн асуудал, мен асуудал - "соответствующий вопрос, тот вопрос", тув. Ук саналды хвлээп адыр сен бе? - монг. Энэ саналыг хвлээн авах уу чи? - "Ты при-
мешь это предложение?"

В диссертации подробно рассматриваются также и другие указательные местоимения саянских тюркских языков, пришедшие в них из монгольского языка. Это такие, например, местоимения, как бүгү - монг. бүх "весь, вся, все", бүгүдө - монг. бүгд "все", бүрүн - монг. бүрэн "все, целиком, полностью", хамыг - монг. хамга "весь, вся, всё", шупту "весь, вся, все" - монг. шувт "насквозь, напролет, навзлет".

Отдельный анализ в работе получили вопросительные местоимения, составляющие среди указательных местоимений особую группу. Так, лично-вопросительное местоимение древнего монгольского языка кен? "кто?", относящееся к человеку, дало в современных монгольских языках почти одинаковые формы, например: монг., бур. хэн?, дагур. хэн?, калм. кен?, дунс. киен?, баоан. канг?, монгор. кен?, канг?, желтоуйг. кен? "кто?". В саянских тюркских языках ему соответствует тув. кым?, тоф. кум?, уйг. - ур. гом? "кто?" в остальных тюркских языках представлены варианты кии?, кем? "кто? Алташистика считает, что эти местоимения связаны одним происхождением (Рамогедт 1957, с.76). Древнемонгольское йагун? "что", употребляющееся по отношению к неодушевленным предметам и ко всем живым существам, кроме человека, и представленное в современных монгольских языках в виде монг. йу?, бур. йун?, калм. юн?, дагур. йо:?, йу:?, дунс. йан?, баоан. йанс?, монгор. йан:?, йонг?, желтоуйг. йима? "что?", в саянских тюркских языках имеет соответствия в виде чү?, чүү?, тоже относящих-

ся к предметам и существам, кроме человека. В древнетюркском языке зафиксировано предметно-вопросительное местоимение не?, ну? "что?", сохранившееся почти без изменения в остальных современных тюркских языках, ср., напр., каз., кирг. не, тат. ни? "что?". Алтаисты считают (Рамstedт 1957, с. 76), что и эти местоимения монгольских и тюркских языков имеют общее происхождение. В диссертации подробно рассмотрены в сопоставительном плане все вторичные слоготипы, образованные в монгольском и саянских тюркских языках, и их речевое употребление. Выявлено все, что является у них типологически общим и что специфичным.

Кроме того, в работе получили освещение и иные вопросительные местоимения монгольского языка, как, например, хаа?, хаана? "где?", хаагаа? "куда?", хаанаас? "откуда?", хир? "как?" и др., сопоставленные с соответствующими местоимениями саянских тюркских языков.

В заключении обобщены основные выводы, предположения, гипотезы и положения диссертационной работы. Согласно надежным историческим источникам предки тувинцев, тофаларов, уйгуро-урянкайцев, относящихся к саянской группе тюркских народов, с древнейших времен были связаны с монгольскими племенами. Ареал Саяно-Алтая и Западной Монголии издавна был районом, где происходила контакты и взаимодействие монгольских языков с тюркскими, что хорошо доказал сопоставительный анализ языкового материала. Саянские тюркские языки, будучи наследниками языков древних тюркских племен данного ареала, достаточно хорошо сохраняют элементы, характерные для древнего тюркского языка. Проведенное в работе сопоставительное исследование убедительно показало, что саянские тюркские языки и монгольский еще с древнетюркского времени содержат в своем строе множество как общих тюрко-монгольских элементов, выявление которых представляет большой интерес для алтаистики, так и общих элементов, являющихся следствием взаимовлияния монгольских и тюркских языков. Это взаимовлияние данных языков в указанном регионе продолжалось длительное время и причем постоянно. В качестве его результата мы имеем в саянских тюркских языках множество фактов, характерных только для этих языков и объяснимых только монгольским влиянием. Это влияние ощущается в области фонетики, где, по всей вероятности, именно монгольский язык повлиял на процессы формирования фарингализованных и долгих гласных в саянских языках; на развитие

системы переднеязычных согласных. Заметно это влияние и в области морфологии. Практически во всех грамматических категориях анамнестических частей речи прослеживается наличие как прямых заимствований из монгольских языков, так и коплек с монгольскими морфологическими элементами. В то же время в самом монгольском языке вышло немало грамматических элементов, восходящих к тюркским.

Что касается времени влияния монгольского языка на эти языки, то несмотря на наличие некоторых древнемонгольских черт, монгольские элементы, заимствованные саянскими тюркскими языками, относятся скорее к средневековому периоду развития монгольского языка, а также к современному периоду. Подобное положение дел позволяет расширить наши знания в области социальной роли внешних связей монгольского языка. Диссертационное исследование показало, что не только монгольский язык испытал влияние со стороны тюркских языков еще в древнее время, но тюркские языки, тоже еще с древних времен, испытывали влияние монгольского языка. Особенно отчетливо это влияние выявилось в саянских тюркских языках. Взаимовлияние в условиях длительных исторических связей монгольского языка с тюркскими проявляется не только в словарном составе, но и, как показано в диссертации, в области фонетики, словообразования и словонаименования, т.е. на грамматическом уровне.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл авй. Улаанбаатар, 1935, - 10 н.л. (в соавторстве).
2. Монгол хэлний үгийн сангийн судлалын үндэс. Улаанбаатар, 1986, - 10 н.л. (в соавторстве).
3. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар, 1986, - 6 н.л.
4. Орчин цагийн монгол хэлний тонгоруу толь. Улаанбаатар, 1986, - 15 н.л.
5. БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс. (Түрэг бичгийн дүрс гал). 1-р боть. Улаанбаатар, 1990, - 10 н.л.
6. Уйгар урианхай хэлэний эгшиг авна// Хэл зохиол. 11. боть. Улаанбаатар, 1975, х.133-145.
7. Уйгар-урианхай хэлэнд орсон монгол үг// Олон улсын монголч эрдэмтний 3-р их хурал. 2-р боть. Улаанбаатар, 1976, х. 25-31.
8. Уйгар урианхай хэлэнд орсон монгол үгсийн эгшиг авна

онцлог // Хэл зохиол. 12-р боть. Улаанбаатар, 1976, х. 95-105.

9. Особенности уйгуро-урянкайского языка. Автореф. канд. дис. Улаанбаатар, 1978.

10. Орчин цагийн монгол хэлний үгсийн сангийн хөгжин баяжих ачй тогтол // Хэл зохиол. 13-р боть. Улаанбаатар, 1978.

11. Уйгар-урианхай хэлний хөөмийшсэн эгшгийн тухай асуудалд // Хэл зохиол. 14-р боть. Улаанбаатар, 1979.

12. Уйгар-урианхай хэлний тийн ялгалын тогтолцоо // Хэл зохиол. 19-р боть. Улаанбаатар, 1984, х. 58-68.

13. Орчин цагийн монгол хэлэнд буй түрэг хэлний угийн сангийн элемент, түүний үүрэг // Олон улсын монголч эрдэмтний 4-р их хурал. 2-р боть. Улаанбаатар, 1985, х. 530-536.

14. О некоторых деривационных суффиксах в уйгуро-урянкайском языке // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, 1985, с. 4-8.

15. Монгол түрэг хэлний олон тооны дагаврын гарлын холбооны асуудалд // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ, 1985, N 1, х. 43-50.

16. Түрэг монгол хэлний чиглэхийн тийн ялгал // Хэл зохиол. 20-р боть. Улаанбаатар, 1987, х. 58-67.

17. Шинээр олдсон нэгэн түрэг бичээсийн тухай // Хэл зохиол. 16-р боть. Улаанбаатар, 1987, х. 78-71.

18. Монгол түрэг хэлний -рак/-рек дагаврын гарлын холбооны асуудалд // Хэл зохиол. 16-р боть. Улаанбаатар, 1987, х. 72-79.

19. Орж хадны түрэг бичээс (урьдчилсан тайлан) // Дорно дахины судлалын асуудал. 1987, N 2 (17), х. 87-91.

20. Тооны нэрийн аарим дагаврын түүхэн харьцуулсан судалгаа // Хэл зохиол. 22-р боть. Улаанбаатар, 1988, х. 38-49.

21. Гурванмандалын түрэг бичээс // Дорно дахины судлалын асуудал, 1988, N 1 (18), х. 96-103.

22. Хол Асгатын түрэг бичээсийг дахин уншсан тухай // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ, 1988, N 1, х. 34-47.

23. БНМАУ - ын нутаг дахь түрэг хэл, аялгууны судлал // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ, 1989, N 5.

24. Сүүлийн давааны түрэг бичээсийн угийн сангийн харьцуулсан судалга. // МУИС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. Улаанбаатар, 1991.

25. Оржон бичээс монгол хэлийг судлах сурвалж болох нь. (Орж хадны бичээсийн материал дээр) // Олон улсын монголч эрдэмтний 5-р их хурал. 2-р боть. Улаанбаатар, 1992, х. 22-29.

26. Үгсийн аймгийн системд төлөөний үгийн аалзах байр // Монгол хэл шинжлэл. 1-р боть, Улаанбаатар, 1992, х.14-24.

27. Монгол улс дахь нутгийн аялгуу судлалын тойм // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ, 1993, с. 134-158.

28. Уйгар-урианхай хэлний харьцуулсан хэлэвч. (В печати).

29. МНТ-ны зарим үгийн гарлыг орхон бичгээс сурвалжлах нь (В печати).